

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Lawrence E. HARRISON

JEW,
CONFUCIANS,
AND PROTESTANTS

CULTURAL CAPITAL
AND THE END
OF MULTICULTURALISM

ROWMAN & LITTLEFIELD PUBLISHERS, INC.
Lanham, Maryland U.S.A.

Лоуренс ХАРРИСОН

ЕВРЕИ,
КОНФУЦИАНЦЫ
И ПРОТЕСТАНТЫ

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ
И КОНЕЦ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

·МЫСЛЬ·

Москва

УДК 008+316.7
ББК 71.0+60.523
Х21

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского: *Ю. Кузнецов*

Харрисон, Лоуренс

Х21 Евреи, конфуцианцы и протестанты : культурный капитал и конец мультикультурализма / Лоуренс Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. — Москва : Мысль, 2014. — 286 с.

ISBN 978-5-244-01173-9

В книге исследуется влияние культуры на экономическое развитие. Изложение строится на основе введенного автором понятия «культурного капитала» и предложенной им и его коллегами типологии культур, позволяющей на основе 25 факторов определить, насколько высок уровень культурного капитала в той или иной культуре. Наличие или отсутствие культурного капитала определяет, создает та или иная культура благоприятные условия для экономического развития и социального прогресса или, наоборот, препятствует им.

Автор подробно анализирует три крупные культуры с наибольшим уровнем культурного капитала — еврейскую, конфуцианскую и протестантскую, а также ряд сравнительно менее крупных и влиятельных этнорелигиозных групп, которые тем не менее вносят существенный вклад в человеческий прогресс. В то же время значительное внимание в книге уделяется анализу социальных и экономических проблем стран, принадлежащих другим культурным ареалам, таким как католические страны (особенно Латинская Америка) и исламский мир. Автор показывает, что и успех, и неудачи разных стран во многом определяются ценностями, верованиями и установками, обусловленными особенностями культуры страны и религии, исторически определившей фундамент этой культуры.

На основе проведенного анализа автор формулирует ряд предложений, адресованных правительствам развитых и развивающихся стран, международным организациям, неправительственным организациям, общественным и религиозным объединениям, средствам массовой информации и бизнесу. Реализация этих предложений позволила бы начать в развивающихся странах процесс культурной трансформации, конечным итогом которого стало бы более быстрое движение этих стран к экономическому процветанию, демократии и социальному равенству.

УДК 008+316.7
ББК 71.0+60.523

First published in the United States by Rowman & Littlefield Publishers, Inc., Lanham, Maryland U.S.A. Translated and published with permission. All rights reserved.

ISBN 978-5-244-01173-9 (русск.)
ISBN 978-1-4422-1963-2 (англ.)

© Мысль, 2014
© 2013 by Lawrence E. Harrison

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	11
Конец мультикультурализма	13
Религиозный релятивизм	15
«Релятивизм» экономистов	16
Следствия для внешней политики	17
Мультикультурализм и помощь развитию	19
Мультикультурализм, раса и иммиграция	20
Структура книги	24
ГЛАВА 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА	27
Пьер Бурдьё и культурный капитал	28
Деагрегирование «культуры»	29
Суть типологии	51
Универсальная культура прогресса и социальный капитал	52
ГЛАВА 2. ПОЧЕМУ ИМЕННО ЕВРЕИ, КОНФУЦИАНЦЫ И ПРОТЕСТАНТЫ?	53
Культура и поведение	56
Религии и прогресс	56
Почему евреи?	71
ГЛАВА 3. ЕВРЕИ	73
Достижения евреев	75
Евреи и «Пособие для идеального латиноамериканского идиота»	78
Иудейская этика и дух капитализма	78
Скупые евреи?	79
Евреи в Латинской Америке	81
Коста-Рика	81
Монтеррей, Мексика	83
Медельин, Колумбия	83

Успехи евреев в исторической перспективе	85
Испания: от гонений к покровительству и к новым гонениям	86
Европейские евреи: финансы и обращение в христианство	87
Опыт евреев в Америке: личные размышления	88
Еврейский «зал позора»	92
Замыкая круг ностальгии	94
Объяснение еврейского феномена: гены?	95
Выводы Пола Джонсона	96
Группа с высоким уровнем культурного капитала	97
Наблюдения Стивена Силбигера и Джорджа Сороса	100
Взгляды Джима Ледермана	101
ГЛАВА 4. КОНФУЦИАНЦЫ	105
Конфуцианская система ценностей	108
Конфуцианство, плюрализм и социальная справедливость	112
Макс Вебер о китайской культуре	114
Встречные течения в конфуцианстве	118
Контрасты: Восточная Азия и Латинская Америка	121
Конфуцианство и демократия	125
Гении и аутсайдеры Малколма Гладуэлла и успехи Восточной Азии	127
ГЛАВА 5. ПРОТЕСТАНТЫ	129
Сравнение Шотландии и Ирландии	130
«Ирландское чудо» в последние полстолетия	134
PIGS угрожают евро	136
Швеция	137

Англо-протестантская культура в Соединенных Штатах Америки	139
«Миссионерские корни либеральной демократии»	141
Глава 6. ДРУГИЕ УСПЕШНЫЕ КУЛЬТУРЫ I	143
Баски и сикхи	143
Баски	143
Баски в Чили	146
Баски и католическая церковь	149
Выдающиеся баски	150
Еще раз об издержках успеха: Уиннемакка, штат Невада	151
Сикхи	152
Священные книги и ценности сикхов	153
Учение сикхов и предложенная нами типология	154
Выдающиеся сикхи	156
Кики Капани, Майкл Шварц и Kikim Media	157
Глава 7. ДРУГИЕ УСПЕШНЫЕ КУЛЬТУРЫ II	159
Мормоны и исмаилиты	159
Мормоны	159
Комментарии Джереми Брюера	161
Эпилог	167
Исмаилиты	168
Исмаилиты в Канаде	171
Требуется исламская Реформация	172
«Арабская весна» в свете латиноамериканского опыта	174
Случай Доминиканской Республики	174
Сандинистское Никарагуа	176
Гаити при Жане-Бертране Аристиде	177

	Актуальность Алексиса де Токвиля	178
	Выводы для арабских стран	179
ГЛАВА 8.	КАТОЛИЧЕСКАЯ ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	183
	Природные ресурсы? Климат? Зависимость?	185
	Токвиль о Культуре	189
	Католицизм и типология Грондоны	191
	Вызов евангелического и пятидесятнического протестантизма	192
	Нужна вторая Реформация	194
	Экономическое развитие	194
	Подходящий случай из жизни	198
	Нужно срочно отменить целибат	199
	Монахини: жертвы и агрессоры	201
ГЛАВА 9.	ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В США	203
	Латиноамериканские иммигранты: данные Международной программы ОЭСР по оценке образовательных достижений учащихся	205
	Традиционные предметы озабоченности Демократической партии	206
	Быстрорастущее латиноамериканское население — и его система ценностей	207
	Низкий приоритет образования у латиноамериканских иммигрантов	212
	Двуязычные Соединенные Штаты Америки	216
	Язык и культура	218
	Миссия Хайме «Джима» Рувалькабы	220
	Что нужно делать	223
ГЛАВА 10.	АФРОАМЕРИКАНЦЫ	225
	«Скип» Гейтс: жертва виктимологии	226
	Другая точка зрения: Кит Ричбург	228
	Другой сценарий ситуации в Кембридже	229
	Томас Сауэлл: не сваливать всех черных в одну кучу	229

Подход Орландо Паттерсона к анализу культуры	233
Модель Паттерсона	233
ГЛАВА 11. Что делать	239
Заключение: рекомендации по прогрессивным изменениям культуры	240
I. Воспитание детей и образование	241
II. Религиозная реформа	249
III. Государство	251
IV. Институты содействия развитию	255
V. Университеты	257
VI. Средства массовой информации	258
VII. Частный сектор	259
Срочно требуется «лаборатория» для практического подтверждения	262
Калифорнийская ассоциация учителей	263
Гаити	264
Восточный Тимор	264
Пермь, Россия	265
Тринидад и Тобаго	268
Благодарности	268
Об авторе	269
Указатель	270

ВВЕДЕНИЕ

Я убежден, что самое удачное географическое положение и самые хорошие законы не могут обеспечить существование конституции вопреки господствующим нравам, в то время как благодаря нравам можно извлечь пользу даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов. Нравы имеют особое значение — вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт. Этот вывод представляется мне наиболее важным результатом моих наблюдений, все мои размышления приводят к нему.

Алексис де Токвиль «Демократия в Америке»¹

То, что некоторые культуры лучше, намного лучше, чем другие, способны реализовать потенциал тех, кто к ним принадлежит, — не просто вывод, к которому приводит «Главная истина либерализма»**, это ее определяющая исходная посылка. Белые англосаксы-протестанты — главные бенефициары этой самоочевидной истины, но кроме них таковыми являются еще и евреи, а также те, кому посчастливилось родиться в конфуцианском обществе.

Джон Бирмингем
(John Birmingham in «The Australian», April 4, 2007)

Культура имеет значение. Если миру нужно было еще раз напомнить эту истину, то, надо полагать, авантюра Джорджа Буша в Ираке решила эту задачу. Каковы были шансы на то, что удастся создать прочную демократию — подразумевающую не только выборы, но и полный набор политических прав и гражданских свобод — в Ираке, арабской стране, не имеющей никакого опыта демократии, жители которой принадлежат к двум склонным к взаимным конфликтам исламским сектам, суннизму и шиизму, а также к отдельной этнолингвистической группе курдов, стре-

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. Указатель.

¹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America* (London: David Campbell Publishers/Everyman's Library, 1994), pp. 322–323.

** Харрисон Л. Главная истина либерализма. М.: Новое издательство, 2008. — Прим. ред.

2 мящейся к автономии, — и все это в пределах арабского мира, в котором до сих пор ни одна страна не достигла демократической стабильности, несмотря на «арабскую весну»?

Иракская авантюра и столь же обескураживающий опыт в Афганистане поднимают вопрос, который не может не приводить в замешательство живущих в разных частях мира многочисленных сторонников мультикультурализма — идеи, что все культуры хотя и различны, но в сущности равны. Если культурные ценности, испытывающие мощное влияние ислама и различных его течений, служат препятствием на пути Ирака и Афганистана к демократической стабильности, социальной справедливости и процветанию, т.е. к достижению целей, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека ООН, — то не означает ли это банкротства идеи мультикультурализма?

Более того, ценности, верования и установки некоторых других культур, как мы увидим дальше, *способствуют* достижению этих целей, и в этом отношении особенно выдающиеся результаты демонстрируют еврейская (иудейская), конфуцианская и протестантская культуры. (Я перечисляю их в этом порядке из соображений хронологии: еврейская культура — с соответствующими ценностями, верованиями и установками — существует примерно 4000¹, конфуцианская — 2500, а протестантская — 500 лет.) Эти, а также некоторые другие религиозные или этнические группы, такие как мусульмане-исмаилиты, католики баски, сикхи и мормоны, пользуются плодами того набора ценностей, который может быть назван «универсальной культурой прогресса» (Universal Progress Culture). Сюда входят, например, сосредоточенность на будущем, образование, успех, достоинство, бережливость и этичное поведение. В столь несхожих географических условиях, как Швеция, Гонконг и США, этот набор ценностей создает наиболее успешные общества — общества, получающие наибольший выигрыш от *культурного капитала*.

Культурный капитал добавляет новое измерение к более ранним понятиям капитала, к числу которых относятся:

¹ Пол Джонсон в своей «Истории евреев» (Paul Johnson, *A History of Jews* (New York: Harper & Row, 1988) [Джонсон П. История евреев. М.: Вече, 2007]) датирует возникновение иудаизма временем Авраама, т.е. около 2000 г. до Рождества Христова). В начале 2009 г., когда пишется эти строки, идет 5769 год по еврейскому календарю — отсчет времени идет с момента сотворения мира; это значит, что до Авраама прошло что-то около 1750 лет.

- финансовый/ресурсный капитал или капитал как собственность (Адам Смит и Карл Маркс);
- человеческий капитал — качество рабочей силы (Гэри Беккер);
- социальный капитал — свойственная обществу тенденция поощрять объединение своих членов (Гленн Лоури, Джейм Коулмен, Роберт Патнэм и Френсис Фукуяма).

Культурный капитал, который рассматривается в первой главе этой книги, тесно связан с человеческим и социальным капиталом; он может рассматриваться как ключевое условие, способствующее росту последних. В обществах, где ценится успех и образование, больше человеческого капитала; в обществах, делающих упор на этическое поведение и доверие, больше социального капитала.

Конец мультикультурализма

С конца 60-х годов XX в. доминирующей характеристикой политического и интеллектуального ландшафта Запада все больше становится мультикультурализм — особенно в США и Канаде, где иммиграция существенно меняет этнический и религиозный состав обоих обществ. Примечателен связанный с этим факт, что в последние десятилетия в этих двух странах резко снизился уровень доверия, измеряемый в рамках проекта World Values Survey¹. Недавно Роберт Патнэм в качестве главного фактора, внесшего вклад в это уменьшение, указал на иммиграцию: «В краткосрочной перспективе присутствие вокруг нас людей, от нас отличающихся, увеличивает неопределенность — мы замираем, втягиваем голову в плечи и меньше доверяем кому бы то ни было. Подобно черепахе при появлении некоей пугающей угрозы, мы прячемся в панцирь»².

¹ Ronald Inglehart, Miguel Basáñez et al., eds., *Human Beliefs and Values: A Cross-Cultural Sourcebook Based on the 1999–2002 Values Surveys* (Mexico City: Singlo Veintiuno, 2004). На включенный в анкету 1990 г. вопрос «Можно ли доверять большинству людей?» ответ «да» дали 52% американцев. В 2000 г. положительный ответ дали 26% американцев и 39% канадцев. Обществами с наибольшим уровнем доверия в 2000 г. были Дания и Швеция, где ответили «да» соответственно 67 и 66% респондентов. Наименьший уровень доверия продемонстрировала Бразилия, где положительный ответ дали 3% респондентов.

² Harvard Kennedy School, Robert Putnam on Immigration and Social Cohesion, March 20, 2008, www.hks.harvard.edu/news-events/publications/insight/democratic/robert-putnam.

Мультикультурализм стал также доминирующей темой в дискуссиях по поводу международного развития, например во Всемирном банке, где, в частности, заявление экономического историка Дэвида Ландеса на конференции Всемирного банка в 2000 г. о том, что некоторые культуры являются «ядом» для экономического развития, вызвало шок у значительной части слушателей¹. И мультикультурализм был одной из ключевых неявных посылок доктрины администрации Буша: «Эти ценности свободы правильны и истинны для каждого человека и в любом обществе»².

Однако мультикультурализм базируется на хрупком основании — культурном релятивизме, т.е. на представлении, что ни одна культура не лучше и не хуже, чем любая другая, она просто иная. Антрополог Рут Бенедикт, автор классического исследования японской культуры «Хризантема и меч»*, писала, что все культуры представляют собой «сосуществующие и в равной степени правомерные жизненные модели, которые человечество создало для себя из исходного материала существования». С ее точки зрения, «каждая культура самодостаточна, автономна, отдельна от других, но в то же время равна всем другим. Все имеет смысл в своем контексте, и все, что нам нужно, — это знать контекст, чтобы понимать, что люди делают и почему они делают это»³.

Несомненно, адресованный антропологам культуры совет заниматься полевыми этнографическими исследованиями — это правильный совет. Если целью является полное понимание системы ценностей, сильно отличающейся от собственной, этноцентризм

¹ Ландес употребил это слово [toxic] на конференции «Принимать в расчет культуру» [«Culture Counts»], проходившей во Флоренции летом 2000 г. при финансовой поддержке Всемирного банка. Это замечание, а также книга «Culture Matters» (New York: Basic Books, 2000) [Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002], содержащая главу, написанную Ландесом, и ставшая бестселлером в книжном магазине Всемирного банка, могли стать одной из существенных причин решения Всемирного банка выпустить книгу *Culture and Public Action* (Palo Alto, Calif.: Stanford Social Sciences, 2004).

² National Security Strategy of the United States of America. The President's Report to Congress on a New National Security Strategic Doctrine for the U.S.A. by President George W. Bush, September 20, 2002.

* Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: РОС-СПЭН, 2004. — Прим. ред.

³ Цит. по: Renato Rosaldo, "Of Headhunters and Soldiers," *Issues in Ethics* 11, 1 (Winter 2000). [Цитата взята из книги Ruth Benedict, *Patterns of Culture*. Boston etc.: Houghton Mifflin Harcourt, 1934. — Ред.]

может сильно исказить процесс поиска и конечные выводы. Но что если задача состоит в том, чтобы оценить степень, в которой та или иная культура способствует продвижению к демократической системе правления, социальной справедливости и ликвидации бедности, т.е. к целям, содержащимся во Всеобщей декларации прав человека ООН? В этом случае культурный релятивизм становится гигантским препятствием, поскольку требуемая оценка предполагает, что одни культуры в большей степени питают прогресс, чем другие, и оспаривает саму суть культурного релятивизма.

Религиозный релятивизм

Религия есть главный источник ценностей, верований и установок — аспектов культуры, в наибольшей степени влияющих на те виды поведения, которые оказывают мощное воздействие на ход общественной эволюции. Сегодня в полном согласии с культурным релятивизмом широко разделяется презумпция, что все религии должны считаться равноценными и ни при каких условиях не должны быть предметом сравнительных ценностных суждений. Эта презумпция — назовем ее религиозным релятивизмом — является доминирующей на Западе. Однако, когда дело доходит до взаимоотношений между религией и человеческим прогрессом, я нахожу убедительными доказательства того, что некоторые религии больше, чем другие, способствуют продвижению к таким целям, как демократическая политическая система, социальная справедливость и процветание.

Хорошим примером может служить вуду, господствующая религия на Гаити. Это самая бедная, самая неграмотная и хуже всего управляемая страна в западном полушарии. Вуду — это магическая религия, в которой судьбу человека контролируют сотни духов, очень капризных и похожих на людей. Единственный способ оказать влияние на то, что происходит в собственной жизни, — умиловить духов посредством вмешательства жрецов и жриц вуду. Эта религия лишена этического содержания и как следствие является главным фактором той высокой степени недоверия, паранойи, чувства беспомощности и отчаяния, которая отмечается в антропологической литературе, посвященной Гаити. Наблюдение, сделанное в 1959 г. Пласидом Давидом, гаитянским эмигрантом, звучит особенно горько: «Наши души подобны мертвым листьям. Мы живем в атмосфере безразличия и молчаливого недовольства... самые вопиющие нарушения наших прав

и самые возмутительные злоупотребления властью вызывают в нас лишь чувство покорности»¹.

Корни вуду восходят к региону Дагомея в Западной Африке — сегодня это страна Бенин. Показатели доходов, уровня детского недоедания, детской смертности, ожидаемой продолжительности жизни и грамотности для Гаити и Бенина практически идентичны.

Большая часть жителей Барбадоса также ведет свое происхождение из Дагомеи. Однако в отличие от Гаити, которая завоевала свою независимость от Франции в 1804 г. в результате восстания рабов, Барбадос получил независимость от Великобритании в 1966 г., когда потомки рабов, впервые привезенных на остров в первой половине XVII в., уже доминировали в политике и большей части экономики. За три столетия они настолько усвоили британские ценности и институты, что их иногда называют афросаксами (Afro-Saxons) или чернокожими англичанами (Black Englishmen). Господствующая религия в этой стране — англиканство.

Сегодня Барбадос — процветающая демократия, занявшая в 2010 г. 42-е место по Индексу развития человеческого потенциала ООН (UN Human Development Index), что как раз означает переход его в категорию стран с «очень высоким индексом развития человеческого потенциала». Гаити занимает 145-е место (из 169 стран). Культура имеет значение. А раса не имеет.

«Релятивизм» экономистов

Культурный и религиозный релятивизм составляет основной интеллектуальный фундамент мультикультурализма. Но экономическая наука предоставляет ему дополнительную подпорку. Многие экономисты предпочли бы игнорировать культуру. Как написал бывший экономист Всемирного банка Уильям Истерли, автор книги «Бремя белого человека», рецензируя мою книгу «Кто процветает?»: «Вероятно, можно привести много аргументов в пользу старомодного представления экономистов, что все люди одинаковы, где бы они ни находились, и будут одинаково реагировать на правильные экономические стимулы и возможности»².

¹ Placide David, *L'Heritage Colonial en Haiti* (Madrid: publisher unknown, 1959).

² William Easterly, *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good* (New York: Penguin, 2006); the World Bank and the International Monetary Fund, *Finance and Development*, March 1994, p. 51.

Это было в 1994 г. Сегодня Истерли смотрит на мир совсем по-другому: «Я намного больше готов признать важность социальных норм, индивидуальных ценностей... короче говоря, культуры»¹. Он, как и я, отмечает, что в мультикультурных странах, где экономические возможности и стимулы открыты для всех, некоторые этнические и религиозные меньшинства нередко достигают гораздо лучших результатов, чем большинство населения, как это имеет место в случае китайских иммигрантов в Индонезии, Малайзии, Коста-Рике и США, а также в других местах.

Почему рецепты свободной рыночной экономики, предусмотренные «Вашингтонским консенсусом» (такие как дисциплина в бюджетной политике; упор на образование, здравоохранение и инфраструктуру; налоговая реформа; либерализация внешней торговли; открытость для иностранных инвестиций; приватизация), хорошо сработали в Индии и плохо в Латинской Америке, где социализм — или даже, как в случае Венесуэлы при Уго Чавесе, авторитарный социализм — по-видимому, жив и отлично себя чувствует и где лишь Чили оказалась способной достичь темпов экономического роста, трансформирующих общество? Культурные факторы объясняют не всё, но они, несомненно, имеют отношение к делу. (Ключевой фактор чилийской исключительности — непропорционально большая доля населения баскского происхождения.)

Алан Гринспен точно уловил суть дела, когда в 1997 г. сказал: «Многое из того, что мы в нашей свободной рыночной системе принимали как данность и полагали свойственным человеческой природе, было вовсе не природой, а культурой»².

Следствия для внешней политики

Если культура имеет значение, влияя на степень восприимчивости общества к демократическим институтам и на степень, в которой это общество выдвигает из своей среды и поддерживает предпринимателей, то каковы вытекающие из этого следствия для внешней политики, в фундамент которой заложена доктрина «Эти цен-

¹ Из письма, полученного мной по электронной почте 28 января 2009 г.

² Washington D.C., The Federal Reserve Board: Remarks by Chairman Alan Greenspan at the Woodrow Wilson Award Dinner of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, New York, June 10, 1997.

ности свободы правильны и истинны для каждого человека и в любом обществе» — доктрина, которая проникнута мультикультурализмом и корни которой восходят по меньшей мере к Вудро Вильсону? Администрация Буша сделала ставку на применимость доктрины в Ираке, и эта ставка включает в себя огромные человеческие, финансовые, дипломатические и репутационные ресурсы. Сегодня уже ясно, что она не имеет под собой оснований.

Кроме того, становится все более очевидным: иракский опыт релевантен и для случая Афганистана — традиционного общества, в котором, согласно данным Международного чрезвычайного детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), в период 2000—2004 гг. грамотными были 43% мужского и 13% женского населения¹.

Френсис Фукуяма доказывает, что в долгосрочной перспективе все человеческие общества будут сближаться и сойдутся на демократической капиталистической модели, так как она проявила себя в качестве самого успешного способа поставить человеческую природу на службу прогрессу². Я согласен с этим, даже несмотря на серию тяжелых ударов, которые капитализм получил в ходе нынешнего экономического кризиса. Но как насчет краткосрочной перспективы? Каковы шансы на то, что будет установлена демократия в Ираке и Афганистане — не только выборы, которые можно организовать практически в любой стране, хоть в той же Гаити, но и полный набор политических прав и гражданских свобод?

Чтобы оценить возможности успешного продвижения демократии в Ираке, мы можем начать с характеристики общей ситуации с демократией в арабских странах. Согласно рейтингу Freedom House за 2006 г., измеряемому по шкале, где показатель 2 наилучший, а 14 — наихудший, средняя величина для 15 арабских стран составила 11. В противоположность этому большинство стран «первого мира» получили оценку 2. По данным, представленным в «Докладе ООН о развитии человеческого потенциала» за 2004 г. (Human Development Report), в тех же самых 15 странах средний показатель грамотности составил 77% для мужчин и 57% для женщин. В Ираке, Египте и Марокко более половины женщин были неграмотны. В Йемене грамотными были 70% мужчин и 29% женщин.

¹ United Nations International Children's Emergency Fund, "Afghanistan: Statistics," www.unicef.org/infobycountry/afghanistan_statistics.html.

² Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York: Harper Perennial, 1993). [Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.]

Хотя, как показывает пример Индии, где женская грамотность составляет около 50%, стабильная демократия может и не зависеть от высокого уровня этого показателя, грамотные женщины, несомненно, укрепляют ее, в частности потому, что женщины вообще играют ключевую роль в воспитании детей. Данные о грамотности в гендерном разрезе ясно свидетельствуют о подчиненной роли женщин по отношению к мужчинам в современном исламе.

Иракская авантюра свидетельствует по меньшей мере об огромных рисках, сопряженных с внешней политикой, основанной на мультикультурном мировоззрении. Но она также указывает на необходимость понимания той роли, которую играет культура во всех аспектах внешней политики, а также на необходимость компетентности в сфере культуры всех агентств, занимающихся внешней политикой, включая министерство обороны.

Мультикультурализм и помощь развитию

Институты содействия развитию, как многосторонние, так и двусторонние, до настоящего времени так и не смогли заняться вопросами изменения культуры. Главная причина этого в том, что при выработке политики доминируют экономисты, не обращающие внимание на культуру, а также приверженные культурному релятивизму антропологи и специалисты по другим общественным наукам. Идея, что некоторые культуры больше тяготеют к прогрессу, чем другие, несмотря на все фактические доказательства, с трудом завоевывает признание в кругу людей, занимающихся развитием. Эту трудность еще больше усиливает политика международных институтов, где правом голоса обладают и доноры, и реципиенты и где намного более комфортно с точки зрения межличностных отношений (и менее опасно для чувства самоуважения) придерживаться точки зрения, что отстающие страны либо являются жертвами более успешных стран, либо пока что не смогли найти подходящее содержание и сочетание политических мер, стимулов и институтов.

Хорошей иллюстрацией этой интеллектуально-эмоциональной трудности служит неприятие, с которым были восприняты в некоторых арабских кругах четыре нелицеприятных Доклада о развитии человеческого потенциала в арабских странах (2002–2005) (Arab Human Development Reports), представленные в рам-

как Программы развития ООН при поддержке Программы по Персидскому заливу под эгидой организаций ООН по развитию (Arab Gulf Programme for United Nations Development Organizations) и написанные арабскими экспертами. Во всех четырех докладах главное внимание уделяется необходимости культурных изменений; в частности, доклад 2005 г. поддержал гендерное равенство.

Симптоматичной для мультикультуралистской среды Всемирного банка была стычка, которая у меня случилась несколько лет назад после того, как я сделал презентацию на конференции Всемирного банка по сокращению бедности. (Полагаю, что я получил приглашение выступить из-за популярности книги «Культура имеет значение» в книжном магазине Всемирного банка. У меня и прежде было несколько контактов с банком, благодаря которым я имел представление об институциональной враждебности ко всему, что бросает вызов культурному релятивизму.) В ходе вопросов и ответов одна сотрудница африканского происхождения с некоторой горячностью заявила: «Я полагаю, что мы уже давно оставили в прошлом все объяснения в духе “жертва сама виновата”».

Я могу лишь надеяться на то, что неизменное и широко разделяемое неудовлетворение и разочарование по поводу вялых темпов прогресса в беднейших странах побудит институты помощи развитию задуматься над основным посылом книг «Культура имеет значение», «Главная истина либерализма» и этой книги. Немалый интеллект, творческие способности и самоотдача, проявленные профессионалами в сфере экономического развития на протяжении последней полусотни лет, не привели к успеху в том, что касается трансформации подавляющего большинства бедных и авторитарных обществ. Там, где трансформация имела место, она обычно либо питалась культурами, тяготеющими к прогрессу (например, в конфуцианских обществах Восточной Азии), либо происходила в случаях, когда культурные изменения играли центральную роль в преобразованиях (например, в Испании, Ирландии и Квебеке).

Мультикультурализм, раса и иммиграция

В основе мультикультурализма лежит идея, что все культуры в сущности равны. Но что если это не так? Что если именно afroамериканская субкультура, а не расизм и дискриминация сегодня является главным препятствием, мешающим прогрессу чер-

нокожих американцев? И что если именно иберо-католическая культура, а не империализм, колониализм и зависимость является основной причиной того, что латиноамериканские страны бедны, несправедливы и авторитарны по сравнению с англо-протестантскими Канадой и США (а также Барбадосом)? Что если культура есть ключевой фактор в объяснении того, почему чернокожие американцы и испаноамериканцы в США достигают сравнительно худших результатов, — и что если некоторые люди, уверенные в правильности такого объяснения, сами являются латиноамериканцами, испаноамериканцами, африканцами и афроамериканцами?

Два выдающихся латиноамериканца — аргентинский интеллектуал Мариано Грондона и кубинский эмигрант, журналист-обозреватель Альберто Монтанер — считают, что стремлению Латинской Америки к демократии и процветанию мешают иберийские культурные традиции, такие как фатализм, авторитарность, узкий радиус доверия и идентификации, презрение к экономической активности. Так же думают писатели, нобелевские лауреаты по литературе Марио Варгас Льюса и Октавио Пас; лауреат Нобелевской премии мира, бывший президент Коста-Рики Оскар Ариас¹ и бывший президент Эквадора Освальдо Уртадо.

Американец мексиканского происхождения Лайонел Соса в своей книге «Мечта об Америке»² доказывает, что та же самая система ценностей служит препятствием для вертикальной мобильности латиноамериканских иммигрантов в США. То же самое говорит бывший американский конгрессмен Эрман Бадильо, пуэрториканец, чья книга «Одна страна, один стандарт»³ есть одновременно и обвинительный акт против принижения латиноамериканцами ценности образования, и призыв к изменению культуры. И о том же пишет американец мексиканского происхождения Эрнесто Каравантес в своих трех книгах «От плавильного тигля к ведьминому котлу: как мультикультурализм подкосил Америку»⁴; «Подрезая собственные крылья: несовместимость

¹ Oscar Arias, "Culture Matters," *Foreign Affairs* (January–February 2011).

² Lionel Sosa, *The Americano Dream* (New York: Dutton Adult, 1998).

³ Herman Badillo, *One Nation, One Standard* (New York: Sentinel (Penguin) 2006).

⁴ Ernesto Caravantes, *From Melting Pot to Witch's Cauldron: How Multiculturalism Failed America* (Lanham, MD: Hamilton Books, 2010).

латиноамериканской культуры и американского образования»¹ и «Мексикано-американское сознание»².

В своей статье «Познай самого себя: Латинская Америка в зеркале культуры»³ президент Уртадо приходит к следующему выводу:

«Взаимосвязь между неудачами Латинской Америки и ее культурой — трудный предмет для обсуждения. Этот вопрос неполиткорректен и вызывает чувство неловкости, особенно если он поднимается чужаками. Большинство латиноамериканцев в частном разговоре полностью подтвердит большую часть приведенных здесь наблюдений, но те же самые люди будут совершенно не склонны произнести это публично, особенно в смешанной компании, состоящей из людей, принадлежащих к разным культурам. Более того, поскольку для ученых практически невозможно описать культуру в количественных терминах, сегодня они с легкостью могут ее игнорировать. Но самое главное — анализ культуры обнаруживает такие вызовы, на которые не существует готового ответа.

И все же мы должны говорить правду о Латинской Америке, и не только в доверительном личном общении — в противном случае мы будем создавать препятствия для собственных усилий, направленных на улучшение ситуации. Конечно, изменение любой культуры — дело нелегкое. Оно требует времени. Но до тех пор, пока лучшие латиноамериканские мыслители и лидеры общественного мнения не преодолеют свои предрассудки и не признают проблемы, связанные с культурой, Латинская Америка не изменится. Но она должна измениться, и она может измениться. Культурные ценности не являются неизменными или неотъемлемо присущими той или иной расе, религиозной группе или общественному классу. Они могут быть трансформированы при помощи политических и правовых мер, экономических и социальных реформ, посредством усилий просвещенных политических лидеров и с помощью силы образования и воспитания через школы, церкви и средства массовой информации. И благо-

¹ Ernesto Caravantes, *Clipping Their Own Wings: The Incompatibility between Latino Culture and American Education* (Lanham, MD: Hamilton Books, 2006).

² Ernesto Caravantes, *The Mexican-American Mind* (Lanham, MD: Hamilton Books, 2008).

³ Osvaldo Hurtado, "Know Thyself: Latin America in the Mirror of Culture," *American Interest* (January–February 2010): Vol. 5.

творное внешнее влияние, вероятно, тоже может помочь — даже то, которое идет из Испании и США».

Сэмюэл Хантингтон в своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» подчеркивал центральную роль англо-протестантской культуры в успехе Америки. К составляющим этой культуры относятся верховенство права; честная игра; индивидуальные права; ограничение государственной власти; сочетание индивидуализма с чувством общности; свобода, включая религиозную свободу; этический кодекс, воспитывающий доверие; трудовая этика; приверженность человеческому прогрессу, особенно тому, который достигается через образование. Эти ценности в основе своей разделяются большинством развитых стран мира, например странами Северной Европы. Однако обычно они не обнаруживаются в странах исламского мира, Африки и Латинской Америки.

Испаноамериканцы — более бедные и хуже образованные, чем афроамериканцы, — сегодня являются самым многочисленным меньшинством в США и, согласно прогнозам Бюро переписей, к 2050 г. будут составлять почти треть населения страны¹. Опыт их жизни в США воспроизводит в сокращенном виде латиноамериканскую отсталость, формируемую культурой. Например, доля латиноамериканцев, выбывающих из старших классов школы до завершения образования, достигает тревожно высоких значений — 25% и более (см. главу 9); в Латинской Америке, где образование имеет гораздо меньший приоритет, чем в США и Канаде, эта доля намного выше. Кроме того, вялый экономический рост в странах этого региона отчасти есть отражение дефицита предпринимательства, на который влияют культурные факторы, высвеченные Лайонелом Сосой и другими авторами.

Таким образом, прогресс испаноязычных иммигрантов, не говоря уж о гармонии в обществе в целом, зависит от привития им ценностей этого общества. Попытки законсервировать латиноамериканские ценности в рамках мультикультурного винегрета — например, длительное образование на двух языках — препятствуют усвоению культуры большинства и социальному продвижению; их результатом скорее всего будет сохранение низкого образовательного уровня, бедности, рес-

¹ Census Bureau, National Population Projections 2008: Projections of the Population by Sex, Race and Hispanic Origin for the United States: 2010 to 2050; www.census.gov/population/www/projections/summarytables.html

сентимента и конфликтов. То же самое можно сказать о вынужденном появлении билингвизма в США — прежде ни один язык в нашей истории не конкурировал с английским до такой степени, что можно чуть ли не ежедневно услышать, как автоответчик коммерческого предприятия говорит: «Если вы хотите говорить по-английски, нажмите 1; *Si quiere hablar an español, oprima el botón número dos*».

Вполне уместно высказывание Сэмюэла Хантингтона из книги «Кто мы?»: «Была бы Америка Америкой, если бы в XVII—XVIII вв. ее заселили не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Ответ простой — нет. Это была бы не Америка, это был бы Квебек, Мексика или Бразилия»¹.

Структура книги

В главе 1 задается концептуальная рамка для всего последующего изложения. Глава посвящена разработке идеи культурного капитала с использованием типологии ценностей — верований — установок. Согласно этой типологии имеется 25 факторов, отношение к которым различно в культурах, тяготеющих к прогрессу и сопротивляющихся ему.

В главе 2 представлен анализ результатов, достигнутых 117 странами, сгруппированными на основе господствующей религии; эти результаты оцениваются на основании десяти показателей, характеризующих политические, социальные и экономические достижения. Эта типология и анализ 117 стран в совокупности обосновывают идею «универсальной культуры прогресса», которую разделяют евреи, конфуцианцы и протестанты, а также некоторые другие религиозные и этнические группы.

Глава 3 содержит обзор истории еврейских достижений и прослеживает их связь с истоками еврейских ценностей, начиная с Десяти заповедей.

В главе 4 рассматривается конфуцианство и другие источники восточноазиатских ценностей, верований и установок — а также способов поведения, — такие как даосизм, буддизм и по-

¹ Samuel Huntington, *Who Are We? The Challenges to America's National Identity* (New York: Simon & Shuster, 2004), p. 59. [Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. С. 104–105.]

клонение предкам¹. Затем в ней дается обзор восточноазиатских экономических «чудес», а также достижений китайских, японских, корейских и вьетнамских иммигрантов в разнообразных географических условиях.

Глава 5 начинается с рассмотрения значимости Реформации — я считаю ее самым важным событием в истории из числа тех, которые поспособствовали прогрессу. Затем она переносит фокус на поразительное различие путей, которыми пошли после Реформации Шотландия и Ирландия — обе первоначально кельтские, — и на лютеранство как общий знаменатель «чемпионов прогресса» — скандинавских стран (Nordic countries), т.е. Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции.

В главе 6 обсуждаются две группы, обладающие большим культурным капиталом, но при этом составляющие меньшинство населения соответствующей страны или стран: баски, исповедующие католичество, и индийские сикхи.

Глава 7 посвящена обсуждению двух других меньшинств с большим культурным капиталом — мормонов и исмаилитов; последние являются мусульманами. Главу завершает раздел, в котором рассматривается вопрос о реформировании ислама на основе опыта исмаилитов.

В главе 8 анализируются недостатки католических стран, особенно стран Латинской Америки, по сравнению с протестантскими США и Канадой. Ее завершают некоторые комментарии по поводу реформы католической церкви.

Глава 9 содержит обзор условий жизни латиноамериканских иммигрантов в США и достигнутых ими результатов. Фактические данные, свидетельствующие о медленном усвоении культурных ценностей и социальном продвижении иммигрантов, — высокие показатели отсева из образовательных учреждений, низкий уровень самозанятости — вызывают большую тревогу, особенно в свете прогнозов Бюро переписей на 2050 г.

Глава 10 посвящена анализу двух главных объяснений низкого уровня достижений афроамериканцев: расизм/дискриминация и культурные препятствия; кроме того, в ней обсуждаются последствия избрания Барака Обамы президентом страны.

¹ В тексте этой книги я использую термин «конфуцианство» в качестве условного обозначения нескольких течений внутри китайской культуры, из которых собственно конфуцианство является лишь одним, хотя и самым влиятельным.

Глава 11 завершает книгу (1) настоятельной рекомендацией отстающим странам стремиться к культурным изменениям, которые приблизят их к универсальной культуре прогресса, посредством следующих действий:

-
- 11
- усовершенствование методов воспитания детей;
 - религиозная реформа / религиозное обращение;
 - реформа образования;
 - повышение ответственности со стороны средств массовой информации;
 - внесение изменений в экономическую политику;
 - программы развития, учитывающие культуру;
 - повышение восприимчивости к культурным факторам в частном секторе;
 - руководство, приверженное культурным изменениям,

и (2) обзором опыта Института культурных изменений в течение первых четырех лет его работы.

ГЛАВА I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА

Культурный капитал есть совокупность ценностей, верований и установок, ведущих общество к достижению целей Всеобщей декларации прав человека ООН, а именно:

- к демократической форме правления, включающей верховенство права;
- к социальной справедливости, включающей образование, здравоохранение и благоприятные возможности для всех, и
- к ликвидации бедности.

В «Типологии культур, тяготеющих к прогрессу и противящихся прогрессу»¹ эти ценности, верования и установки были дезагрегированы. По мере рассмотрения этой типологии в данной главе будет становиться все более и более очевидным, насколько сильно культурный капитал влияет на человеческий капитал и социальный капитал.

В книге «Последствия культуры», написанной Гертом Хофстеде и его коллегами, я обнаружил полезную схему, которая изображает три фундаментальные силы, мотивирующие человеческое поведение, в виде треугольника, разделенного на три горизонтальных слоя: в основании лежит человеческая природа, ближайший к вершине слой соответствует индивидуальной личности, а между ними лежит культура (рис. 1.1)².

¹ Mariano Grondona, with Irakli Chkonia, Ronald Inglehart, Matteo Marini, and Lawrence Harrison, "Typology of Progress-Prone and Progress-Resistant Cultures," in Lawrence Harrison, *The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself* (New York: Oxford University Press, 2006), Table 2.1, 37–38. [Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008. С. 50–52.]

² Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, and Michael Minkov, *Culture's Consequences: International Cooperation and Its Importance for Survival* (New York: McGraw-Hill, 2010), p. 6.

Три уровня уникальности в психическом программировании

Рис. 1.1. Три фундаментальных фактора, влияющие на человеческое поведение

Пьер Бурдьё и культурный капитал

В качестве автора, впервые применившего понятие культурного капитала, часто называют, выдающегося французского философа общественных наук Пьера Бурдьё, который использовал его в совместной с Жан-Клодом Пассероном статье «Культурное воспроизводство и социальное воспроизводство»¹. Однако в фокусе его внимания находился индивид, а не общество в целом. «Культурный капитал [состоит из] форм знания, навыков, образования и преимуществ, которыми обладает личность и которые дают [ему или ей] более высокий статус в обществе. Передавая своим детям установки и знание, необходимые для успеха в существующей в данный момент времени образовательной системе, родители наделяют их культурным капиталом»².

¹ Pierre Bourdieu and Jean-Claude Passeron, "Cultural Reproduction and Social Reproduction," in Richard K. Brown (Ed.), *Knowledge, Education and Cultural Change* (London: Tavistock, 1973).

² http://en.wikipedia.org/wiki/Cultural_capital.

В статье «Формы капитала»¹ Бурдьё выделяет три подтипа культурного капитала: инкорпорированный (*embodied*), объективированный (*objectified*) и институционализированный (*institutionalized*).

- **Инкорпорированный культурный капитал** составляют как сознательно приобретенные, так и пассивно «унаследованные» свойства человеческого «я» (где «наследование» понимается не в генетическом смысле, а как приобретение в течение длительного времени и, как правило, от семьи через социализацию, традицию и культурные влияния). Лингвистический капитал — владение языком — есть форма инкорпорированного культурного капитала.
- **Объективированный культурный капитал** состоит из физических объектов, находящихся в собственности, таких как научные приборы и произведения искусства. Эти культурные блага могут передаваться и ради получения экономической прибыли, и с целью «символического» выражения культурного капитала, приобретению которого они способствуют.
- **Институционализированный культурный капитал** заключается в институциональном признании культурного капитала, которым владеет индивид, чаще всего в форме дипломов и аттестатов о получении образования.

15

Хотя все эти идеи весьма ценны, Бурдьё не выявил структур, которые дали бы возможность сравнительной оценки различных культур, — по крайней мере мне не удалось их у него найти. К счастью, это сделали другие.

Дезагрегирование «культуры»

В 1999 г. аргентинский ученый и журналист Мариано Грондона опубликовал книгу под названием «Культурные условия экономического развития»². Грондона — обозреватель *La Nación*, ведущей газеты Буэнос-Айреса, профессор государственного управления

¹ P. Bourdieu, “The Forms of Capital,” in J. Richardson, ed., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (New York: Greenwood, 1986), pp. 241–258. [Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.]

² Mariano Grondona, *Las Condiciones Culturales del Desarrollo Económico* (Buenos Aires: Grupo Editorial Planeta, 1999).

в Национальном университете Буэнос-Айреса и ведущий популярной еженедельной телепрограммы, посвященной общественным вопросам. Кроме того, он преподает в Гарвардском университете.

На протяжении многих лет исследований и наблюдений Грондона разработал теорию экономического развития, имеющую форму типологии культурных характеристик, которые позволяют противопоставить культуры, благоприятствующие экономическому развитию (высокий уровень культурного капитала), и культуры, противящиеся ему (низкий уровень культурного капитала). Иными словами, если процитировать главу из книги «Культура имеет значение», написанную Грондоной на основе его книги:

«Ценности могут быть сгруппированы в непротиворечивый паттерн, который мы можем назвать “системой ценностей”. Реальные системы ценностей являются смешанными; чистые системы ценностей существуют только в уме, как идеальные типы. Можно сконструировать две идеальные системы ценностей: одна будет включать только те ценности, которые способствуют экономическому развитию, а другая — только те, которые противятся ему. Страна является современной в той мере, в какой она приближается к первой системе; она остается традиционной в той мере, в какой приближается ко второй. Ни та, ни другая система ценностей не существует в реальности, и ни одна страна не укладывается полностью в какую-либо одну из этих двух систем. Однако некоторые страны близко подходят к крайней точке, максимально благоприятствующей экономическому развитию, в то время как другие близко подходят к противоположной крайней точке.

Реальные системы ценностей являются не только смешанными, но и меняющимися. Если они двигаются в направлении благоприятного полюса шкалы систем ценностей, то это приводит к повышению шансов на то, что страна будет развиваться. Если они движутся в противоположном направлении, то они тем самым снижают шансы страны на экономическое развитие»¹.

Четверо коллег Грондоны — Ираклий Чкония, Рональд Инглхарт, Маттео Марини и я — приняли участие в работе по расширению его типологии с тем, чтобы она охватывала не только экономическое, но также социальное и политическое развитие.

¹ Mariano Grondona, “A Cultural Typology of Economic Development,” in Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington, eds., *Culture Matters: How Values Shape Human Progress* (New York: Basic Books, 2000), pp. 44–55. [В русском издание книги эта глава не вошла. — *Ред.*]

Я хотел бы еще раз подчеркнуть данную Грондоной характеристику этой типологии как «идеализированной». Кроме того, она обладает высокой степенью обобщения. Монолитных культур не существует; во всех культурах существуют течения, идущие вразрез с основным фарватером, — и это в равной мере справедливо как в отношении аргентинской/латиноамериканской культуры, которая послужила моделью для столбца типологии, соответствующего культурам, противящимся прогрессу, так и для культуры США, которая послужила в качестве модельной культуры, тяготеющей к прогрессу. Это очень важный момент. Как напоминает нам Роберт Хэфнер, антрополог из Бостонского университета, «тема [неоднородности культур] позволяет нам осознать, что даже в культурах, сравнительно враждебных прогрессу, существуют альтернативные течения, и некоторые из них могут содержать элементы прогрессивных ценностей»¹.

Рональд Инглхарт, президент проекта World Value Survey, провел проверку 25 компонентов этой типологии на основе данных, собранных в рамках этого проекта; по ходу обзора типологии я буду ссылаться на его результаты. В целом «эти эмпирические результаты свидетельствуют в поддержку “типологии прогресса”, и порой очень убедительно»². Из 25 факторов 11 нашли «строгое подтверждение» в данных World Values Survey, 3 — «умеренно строгое подтверждение», 2 — не получили «значимого подтверждения», а для 9 остальных соответствующих данных не нашлось. Как подчеркивает Инглхарт, «[проект] World Value Survey не был предназначен для проверки “типологии прогресса”. Но он задумывался как инструмент всестороннего исследования всех основных человеческих ценностей, а потому и охватывает большую часть... категорий, включенных в “типологию прогресса”»³.

В последующих разделах описываются категории, указанные в документе «Типология обществ с высоким и с низким уровнем культурного капитала», основанном на первоначальной структуре, разработанной Мариано Грондоной, доработанной при участии Ираклия Чкони, Лоуренса Харрисона, Рональда Инглхарта и Маттео Марини, — она показана в табл. 1.1.

¹ Записка, полученная автором от Роберта Хэфнера (Robert Hefner) 28 апреля 2004 г.

² Ronald Inglehart, “Testing the Progress Typology,” presented at the final Culture Matters Research Project conference at the Fletcher School, Tufts University, March 27–28, 2004, p. 10.

³ Ibid., p. 6.

Таблица 1.1

**Типология обществ с высоким уровнем культурного капитала
и с низким уровнем культурного капитала**
(Основана на первоначальной структуре Мариано Грондоны, доработанной
при участии Ираклия Чконии, Лоуренса Харрисона, Рональда Инглхарта
и Маттео Марини)

Фактор капитала	Высокий уровень культурного капитала	Низкий уровень культурного капитала
<i>МИРОВОЗЗРЕНИЕ</i>		
1. Религия	Воспитывает рациональность и стремление к достижениям; стимулирует преследование материальных целей; сосредоточенность на посюстороннем мире; прагматизм	Воспитывает иррациональность; удерживает от стремления к материальным целям; сосредоточенность на потустороннем мире; утопизм
2. Судьба	Вера в способность человека изменить свою судьбу к лучшему	Фатализм, пассивность, колдовство
3. Ориентация во времени	Сосредоточенность на будущем способствует планированию, пунктуальности, откладыванию получения удовлетворения на будущее	Сосредоточенность на настоящем и прошлом вызывает пренебрежение к планированию, пунктуальности, сбережениям
4. Богатство	Богатство — продукт человеческого творчества и может быть увеличено (игра с положительной суммой)	Богатство — это то, что уже существует (игра с нулевой суммой)
5. Знание	Практическое, верифицируемое; значение имеют факты	Абстрактное, теоретическое, космологическое, неверифицируемое; значение имеют дискуссии
<i>ЦЕННОСТИ, ДОБРОДЕТЕЛИ</i>		
6. Этический кодекс	Жесткий, но его нормы реалистичны; воспитывает доверие	Гибкий; большой разрыв между утопическими нормами и реальным поведением, что порождает недоверие
7. Житейские добродетели	Важны хорошо сделанная работа, опрятность, учтивость, пунктуальность	Житейские добродетели не очень важны; имеют значение любовь, справедливость, смелость

Фактор капитала	Высокий уровень культурного капитала	Низкий уровень культурного капитала
8. Образование	Совершенно необходимо; развивает независимость, неортодоксальность, инакомыслие, творческий подход	Имеет более низкий приоритет; развивает зависимость и ортодоксию

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

9. Труд/достижения	Принцип «жить, чтобы работать»; труд ведет к богатству	Принцип «работать, чтобы жить»; труд не ведет к богатству; труд – это удел бедняков
10. Бережливость	Служит источником инвестиций и ведет к процветанию	Угроза равенству
11. Предпринимательство	Инвестиции и творчество	Погоня за рентой
12. Готовность к риску	Умеренная	Низкая
13. Конкуренция	Ведет к высоким стандартам	Равносильна агрессии; представляет собой угрозу равенству – и привилегиям
14. Инновации	Открытость и быстрая адаптация к инновациям	Подозрительность и медленная адаптация к инновациям
15. Продвижение в должности	На основе личных достоинств и достижений	На основе семейных связей и/или отношений с патроном

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

16. Верховенство права / коррупция	Разумная законопослушность; коррупция преследуется	Имеют значение деньги и связи; терпимое отношение к коррупции
17. Радиус идентификации и доверия	Более сильная идентификация с обществом в целом	Более сильная идентификация с узкой общиной
18. Семья	Идея «семьи» распространяется на общество в целом	Семья – крепость, защищающая от общества
19. Общественные связи (социальный капитал)	Доверие; идентификация способствует сотрудничеству; объединение; участие в общих делах	Недоверие возвращает чрезмерный индивидуализм; аномия

Фактор капитала	Высокий уровень культурного капитала	Низкий уровень культурного капитала
20. Индивид/ группа	Акцентирование индивидуализма, но не чрезмерное	Акцентирование коллективности
21. Власть	Рассредоточена: сдержки и противовесы; консенсус	Централизована: ничем не ограничена, зачастую произвольна
22. Роль элит	Ответственность перед обществом	Власть и получение ренты; эксплуатация
23. Отношения между государством и церковью	Светское государство: церковь полностью отделена от государства	Религия играет главную роль в жизни гражданского общества
24. Взаимоотношения полов	В реальности равенства полов может и не быть, однако оно не противоречит системе ценностей; то же самое относится к гендерным предпочтениям	В большинстве аспектов жизни женщина подчинена мужчине; дискриминация геев/лесбиянок
25. Рождаемость	Количество детей должно зависеть от способности семьи вырастить их и дать им образование	Дети — это дар Божий; они представляют собой хозяйственный актив

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

1. Религия. Религия может быть влиятельной — а в некоторых случаях и главной — силой прогресса в той мере, в какой она воспитывает рациональность и объективность, стимулирует накопление богатства и побуждает к этическому поведению. Эта характеристика ухватывает самую суть протестантской этики, которой Макс Вебер приписывал заслугу быть причиной зарождения капитализма. Она находит отражение во многих последующих факторах данной типологии, таких как судьба, этический кодекс, образование, труд, бережливость, предприимчивость и отношение к инновациям.

Религия — или, когда мы говорим о конфуцианских странах, этический кодекс — является важным источником ценностей, которые могут долгое время сохраняться и после того, как религиозные практики начнут приходить в упадок, что можно наблюдать на примере лютеранских стран Скандинавии. Эти ценности могут содействовать или препятствовать демократии, экономическому развитию и социальной справедливости. В работе «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль замечает: «[Британские поселенцы] принесли в Новый Свет христианство, которое точнее всего можно определить как де-

мократическое и республиканское. С самого начала и до нынешнего времени политика и религия жили в согласии»¹.

Если же религия воспитывает в людях иррациональность, не дает стремиться к материальным целям и основное внимание уделяет попустороннему миру, ее последователи скорее будут безразличны к экономическому развитию. При этом они также будут склонны к пассивности и покорности, которые являются благоприятной почвой для авторитаризма и несправедливости.

Бассам Тибби пишет, имея в виду величие ислама в первые столетия его существования: «Читая Коран и изучая его заповеди... я... нахожу в исламе глубокую приверженность рационализму и стремлению к успеху, а также обращенность к делам этого мира... но я не встречаю этого духа у современных мусульман»².

Подобно тому как Гаити является прототипом общества, противящегося прогрессу, вуду служит прототипом религии, воспитывающей иррациональность.

Рональд Инглхарт, анализируя взаимосвязь приведенной типологии с данными, полученными в рамках его проекта World Values Survey, сделал интересное наблюдение: «Сильный акцент на религии отрицательно коррелирует с прогрессом [несмотря на исключительность Америки в этом отношении]. Общества, в которых религия сочетается с рационализмом, преследованием материальных целей и сосредоточенностью на поскостороннем мире, обычно придают гораздо меньшее значение религии»³. В этом высказывании Инглхарта громким эхом отдаются прозвучавшие более двухсот лет назад слова основателя методизма Джона Уэсли: «Я опасюсь того, что там, где растет богатство, в той же мере уменьшается религиозное рвение. Поэтому... я не вижу возможности, чтобы возрождение подлинного благочестия... могло быть продолжительным. Ибо религия неминуемо должна порождать как трудолюбие, так и бережливость, а эти свойства, в свою очередь, обязательно ведут к богатству. Там же, где увеличивается богатство, создается благодатная почва для гордыни, страстей и привязанности к мирским радостям жизни во всех их разновидностях»⁴.

2. Судьба. И опять-таки Тибби находит в Коране слова, которые могут быть истолкованы как прогрессивный взгляд на судьбу: «Всякое выпадающее тебе благо... от Аллаха, а все зло — от тебя самого»⁵.

¹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America* (London: David Campbell Publishers, 1994), p. 300. [Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 220–221.] Далее Токвиль утверждает, что католичество тоже возвращает демократию, пока оно отделено от государства.

² Bassam Tibi, “Political Innovation in the Gulf: Society and State in a Changing World,” presented at the ninth annual conference of the Emirate Center for Strategic Studies, Abu Dhabi, January 10–13 2004.

³ Inglehart, “Testing the Progress Typology,” Table 5.

⁴ Цит. по: Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (London and New York: HarperCollins Academic, 1992), p. 175. [Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 200.]

⁵ Tibi, “Political Innovation in the Gulf,” p. 13.

Но я нахожу эти слова двусмысленными: если считать, что благо приходит только от Аллаха, то подрывается сама идея ответственности человека за свою судьбу, хотя Коран и возлагает на людей обязанность избегать зла. В любом случае, заключает Тиби, «воздействие фаталистического мировоззрения можно наблюдать в реальности, хотя оно и опровергается... исламским откровением».

3. Ориентация во времени. «Пунктуальность не относится к числу сравнительных преимуществ Латинской Америки», — писал журнал *The Economist* в статье, посвященной национальной кампании за пунктуальность, провозглашенной президентом Эквадора Луисо Гутьерресом, который появился на церемонии ее начала «в самую последнюю минуту»¹. По оценке общественной организации *Participación Ciudadana* («Гражданское участие»), инициировавшей эту кампанию, опоздания обходятся Эквадору более чем в 700 млн долл. в год — больше 4% ВВП.

Эквадорская кампания за пунктуальность впоследствии стала темой статьи в журнале *New Yorker*, автор которой, Джеймс Шуровьески, писал: «Установки по отношению ко времени имеют тенденцию пронизывать собой практически все аспекты культуры. В суперпунктуальных странах вроде Японии пешеходы ходят быстро, коммерческие сделки происходят быстро, а часы в банке всегда показывают точное время... Иными словами, эквадорцы пытаются произвести революцию в том, как они живут и работают»².

В связи с этим Тиби упоминает египетскую расшифровку аббревиатуры IBM: *Inshallah* (если на то будет воля Аллаха); *Bukra* (завтра); *Ma'lish* (не имеет значения).

4. Богатство. Мировоззрение, представляющее мир как игру с нулевой суммой, подавляет инициативу, потому что любой выигрыш одного неизбежно оказывается проигрышем кого-то другого. Во многих традиционных обществах действует психология «раков в корзинке»: если кому-то удастся «выбраться наверх», к нему начинают применяться всевозможные санкции, тянущие его назад, включая перераспределение его богатства между остальными членами общества. Человек чувствует себя оскорбленным, если кто-то другой более успешен; эта темная сторона человеческой природы, вероятно, служит источником чувства злорадства, удовлетворения от зрелища чужих неприятностей — удовлетворения, которое становится еще сильнее, если человек, испытывающий трудности, — какая-нибудь знаменитость (например, Марта Стюарт*).

Согласно антропологу Джорджу Фостеру, для крестьянских обществ во всем мире характерно восприятие мира как игры с нулевой суммой. В этой «универсальной крестьянской культуре» господствует «представление об ограниченности блага», которое Фостер определяет следующим образом: «Говоря о "представлении об ограниченности

¹ *The Economist*, November 22, 2003, p. 38.

² James Surowiecki, "The Financial Page: Punctuality Pays," *New Yorker*, April 5, 2004.

* Американская телеведущая, автор книг по кулинарии и предприниматель. В начале 2000-х была осуждена за использование инсайдерской информации при торговле акциями. — *Прим. ред.*

блага”, я имею в виду, что поведение крестьян в самых разных сферах жизни структурировано так, что это позволяет предположить: весь окружающий мир — природу, общество и экономику — они воспринимают таким образом, как если бы все нужное для жизни — земля, богатство, здоровье, дружба и любовь, мужество и честь, уважение и статус, власть и влияние, защищенность и безопасность — *имелось в нем всегда в ограниченном количестве и всегда — в недостаточном...* Все это и многое другое из “хороших вещей” не только существует в ограниченном и недостаточном количестве, но и *найти способ сделать так, чтобы всего этого стало больше, крестьяне совершенно не в силах*¹.

5. Знание. Очевидно, что если общество не относится уважительно к фактам, то это крайне неблагоприятно для него не только в плане производительности, конкурентоспособности и экономического развития, но и с точки зрения возможности создать демократические и справедливые институты. Это в особенности относится к фактам (и их интерпретациям), которые ставят под вопрос самоуважение и идентичность, — это наблюдение приводит на ум слова Бернарда Льюиса: «Когда люди видят, что дела идут из рук вон плохо, они склонны задавать себе один из двух вопросов. “Что мы сделали не так?” — таков первый вопрос. “Кто виноват в наших несчастьях?” — таков второй. Из второго рождаются теории заговора и паранойя. Первый же ведет к совершенно иной модели мышления: “Каким образом мы можем исправить ситуацию?”»² Дэвид Ландес отмечает: «Латинская Америка во второй половине XX века выбрала доктрину “зависимости” и паранойю. Япония же столетием раньше задалась вопросом: “Каким образом можно исправить ситуацию?”»³

В рукописных заметках на черновике нашей типологии Майкл Новак добавил к словам «Практическое, верифицируемое; значение имеют факты», помещенным в колонку, характеризующую тяготеющие к прогрессу культуры, фразу: «Эволюционная космология, в соответствии с которой должны процветать прогресс и свобода».

ЦЕННОСТИ/ДОБРОДЕТЕЛИ

6. Этический кодекс. Жесткость этического кодекса оказывает глубокое воздействие на ряд других факторов, в том числе на такие, как верховенство закона / коррупция, радиус идентификации и доверия, общественные связи. Три этих фактора попадают в рубрику «социальное поведение», но этический кодекс сильно связан и с экономическим поведением. Он порождает поведение, формирующее доверие, а доверие имеет центральное значение для экономической

¹ George M. Foster, “Peasant Society and the Image of the Limited Good,” in Jack M. Potter, May N. Diaz, and George M. Foster, eds., *Peasant Society: A Reader* (Boston: Little Brown, 1967), p. 304. (Курсив в оригинале. — Л. Х.)

² Bernard Lewis, “The West and the Middle East,” *Foreign Affairs* (January–February 1997), p. 121.

³ David Landes, “Culture Makes Almost All the Difference,” in *Culture Matters*, p. 7. [Культура имеет значение. С. 44.]

эффективности, как подчеркивает Вебер, говоря об этических проповедях Бенджамина Франклина¹. То, что скандинавские страны занимают очень высокие места в экономических индексах, почти наверняка связано с тем фактом, что они занимают сравнительно высокие места по шкале доверия World Value Survey (табл. 1.2).

И наоборот, Уганда находится в самом низу и по индексу конкурентоспособности, и по индексу доверия. Она, как и Гаити, относится к числу стран, где сохраняются традиционные религии, включающие в себя колдовство, нередко существующая в тандеме с христианством или, как в Уганде, с исламом.

Демократия первоначально возникла и прижилась в тех странах, где укоренена ценность честной игры по правилам, имеющая центральное значение для англо-протестантской традиции. В этом состоит ключевой элемент в подмеченном Токвилем сродстве между американской культурой и демократией. Что касается католических стран, в которых установление демократии происходило с большим запозданием, я хочу привести наблюдение Вебера: «Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных “добрых дел”, а святости, возведенной в систему. Здесь не могло быть и речи... о характерном для католицизма, столь свойственном природе человека чередовании греха, раскаяния, покаяния, отпущения одних грехов и совершения новых»².

7. Житейские добродетели. Хорошо сделанная работа, опрятность, учтивость, пунктуальность — это «смазка», необходимая для функционирования экономических и социально-политических систем. Как демонстрируют более 700 млрд долл., теряемые Эквадором из-за опозданий, житейские добродетели могут выражаться во вполне конкретных экономических показателях. Пунктуальность характерна для всех 15 стран, занявших высшие места в последнем Индексе конкурентоспособности Мирового экономического форума, из которых 8 — протестантские, а 2 — конфуцианские (Сингапур и Япония).

Таблица 1.2

Достижения скандинавских стран и уровень доверия в них

	<i>Рейтинг Всемирного экономического форума: Индекс конкурентоспособности</i>	<i>World Values Survey: Доверие</i>
	<i>2008–2009</i>	<i>2000</i>
Дания	3 (из 134)	1 (из 81)
Швеция	4	2
Финляндия	6	6
Норвегия	15	4
Исландия	20	13
Уганда	128	80

¹ Weber, *The Protestant Ethics*, 48–50. [Вебер М. Указ. соч. С. 73–76.]

² *Ibid.*, p. 117. [Там же. С. 152.]

8. Образование. Ценность, придаваемая образованию как мужчин, так и женщин, тесно связана с модернизацией. Она испытывает сильное влияние религии или этического кодекса: протестантизм и иудаизм, в отличие от католицизма, поощряли образование, потому что иначе верующие не смогли бы читать Библию; в конфуцианстве ученость занимает высшее место на шкале авторитета; это подтверждается высоким положением ученых чиновников в императорском Китае. Стоит упомянуть, что в 1905 году более 90% японских мальчиков и девочек начального школьного возраста посещали школу — больше, чем в любой другой стране того времени¹.

Мы считаем, что именно образование является эффективным связующим звеном между человеческим и культурным капиталом. Нобелевский лауреат по экономике Гэри Беккер определяет человеческий капитал следующим образом: «Школьное обучение, компьютерные курсы, затраты на медицинское обслуживание и лекции о пользе пунктуальности и честности — тоже капитал. Это объясняется тем, что они приводят к росту заработков, улучшению здоровья, а также развивают полезные привычки и навыки человека на протяжении большей части его жизни. Поэтому экономисты рассматривают расходы на образование, подготовку, медицинское обслуживание и т.п. как инвестиции в человеческий капитал. Все это называется человеческим капиталом, так как люди не могут быть отделены от их знаний, умений, здоровья и ценностей таким же образом, каким они могут быть отделены от своих финансовых или физических активов»².

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

9. Труд/достижения. Труд как средство достижения благополучия и хорошей жизни — это еще одна ценность, общая для протестантизма и иудаизма. В католической доктрине, унаследовавшей многие черты древнегреческой и древнеримской философии, хорошая жизнь отождествлялась с духовными предметами, созерцанием и художественными достижениями. Труд, особенно физический, ниже достоинства людей, принадлежащих к элите, это удел низших классов. Экономическая деятельность непрестижна. А если вспомнить о преимуществе, которое католическая доктрина отдает бедности («Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царствие небесное» (Мф 19, 24)), легко понять, почему и сегодня в католицизме сохраняется двойственность в отношении к капитализму.

Католические ценностные приоритеты по сути дела разделялись конфуцианскими странами — в случае Японии до второй половины XIX в., а в случае Южной Кореи, Китая и родственных ему Тайваня,

¹ Hara Hiroko and Managawa Mieko, “Japanese Childhood Since 1600.” Русскоязычный перевод на английский язык статьи из: *Zur Sozialgeschichte der Kindheit*, eds. Jochen Martin and August Nitschke (Freiburg/München: Verlag Karl Albert, 1985), p. 176.

² Gary Becker, Library of Economics and Liberty, “The Concise Encyclopedia of Economics: Human Capital,” www.econlib.org/library/Enc/HumanCapital.html.

Гонконга и Сингапура — до второй половины XX в. Однако из соображений национальной безопасности и авторитета экономическая активность, которая в конфуцианской традиции считается менее престижной, чем занятия ученого, солдата и крестьянина, была выдвинута на передний план. Результатом стало раскрепощение всех ценностей, которые объединяют конфуцианство с протестантизмом: образования, роли личных достоинств, бережливости, стремления к достижениям, житейских добродетелей.

Сходную трансформацию ценностей, имеющих отношение к экономической деятельности, претерпели и католические — теперь именуемые порой «посткатолическими» — общества Ирландии, Италии, Квебека и Испании, хотя неполнота этой трансформации очевидным образом проявилась во время нынешнего кризиса евро.

Данные World Value Survey подтверждают значимость того, как люди относятся к труду. Инглхарт приходит к выводу: «Внутренняя мотивация к труду положительно коррелирует с прогрессом. Общества, в которых труд воспринимается только как источник средств к существованию, демонстрируют низкий уровень прогресса»¹.

10. Бережливость. Экономические «чудеса», явленные миру Японией, Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, Сингапуром, а сегодня также Китаем и Вьетнамом, во многом стали возможны благодаря очень высокому уровню сбережений. В 2001 г. в Сингапуре сбережения составляли 44,8% ВВП, а в Китае — 40,1%². Высокий уровень сбережений в сочетании с такими конфуцианскими ценностями, как образование, почитание личных достоинств и стремление к достижениям, а также с экспортно-ориентированной экономической политикой в значительной мере объясняет эти чудеса.

Но бережливость не всегда является экономической ценностью — затянувшаяся экономическая стагнация последних лет в Японии частично может быть вызвана низким уровнем внутреннего потребления. Кроме того, бережливость не есть вечная ценность, о чем свидетельствует низкий уровень сбережений в США, плохо согласующийся с основами протестантской этики.

11. Предпринимательство. Йозеф Шумпетер, американский экономист австрийского происхождения, видел в предпринимательской функции основной двигатель экономики. Он доказывал, что одних сбережений и инвестирования недостаточно. Формула должна быть дополнена творческим духом человека: «Функция предпринимателей заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя изобретения или, в более общем смысле, используя новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых товаров новым способом, открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль и т.д.»³.

¹ Inglehart, "Testing the Progress Typology," Table 5.

² The World Bank, *World Development Indicators 2003*, Table 3.15.

³ Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper, 1950), p. 132. [*Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 512.*]

Шумпетер считал, что предпринимательство требует «совершенно особых способностей, которые присущи лишь небольшой части населения»¹. Думаю, в данном случае он был не прав в двух отношениях: (1) доля предпринимателей в обществе зависит от культуры: в Швеции культура, тяготеющая к прогрессу, порождает в относительном выражении намного больше предпринимателей, чем противостоящая прогрессу культура Аргентины, не говоря уж об исламском мире и Гаити; и (2) в культурах, тяготеющих к прогрессу, предпринимательство — гораздо менее элитистская функция, чем полагал Шумпетер: взрывная индустриализация и бурный рост торговли в США и Японии были осуществлены усилиями буквально миллионов предпринимателей, из которых кое-кто создал крупные предприятия, но гораздо большее число создало мелкие. Более того, предпринимательство не ограничено лишь частным сектором — государственные администраторы, внедряющие инновации, могут сыграть важнейшую роль в прогрессе общества, творчески разрабатывая и осуществляя политические меры.

Тот факт, что доля предпринимателей среди жителей Гаити мала, ставит под сомнение действенность магического рецепта решения проблемы неразвитости, предлагаемого перуанским автором Эрнандо де Сото в книге «Загадка капитала»². Он, безусловно, прав, указывая на то, что, если собственность бедняков официально зарегистрировать, это может принести огромную выгоду, поскольку они получают возможность использовать ее в качестве обеспечения кредитов. Но проблема в том, что именно такой человек сделает с заработными деньгами, если культура не сформировала в нем стремление к предпринимательству (не говоря уж об отсутствии благоприятного инвестиционного климата в таких странах, как Гаити — одна из тех, о которых пишет де Сото). Вероятно, реакция моего зятя-гаитянина на этот вопрос очень точно характеризует ситуацию: «Многие потратят деньги на то, чтобы уехать в США».

Контраст между англо-протестантским и иберо-католическим отношением к предпринимательству и глубина разделяющих их культурных различий тонко подмечены в дневнике американского ученого и дипломата Джона Л. Стивенса, который в 1839—1840 гг. путешествовал по Центральной Америке и после осмотра вулкана Масайя в Никарагуа записал следующее: «Я не мог не задуматься о том, как расточительно обходятся со щедрыми дарами Провидения в этой благодатной по климату, но бедствующей стране! В моей стране этот вулкан стал бы настоящим сокровищем, с хорошей гостиницей на вершине, с ограждением вокруг кратера, чтобы дети не могли свалиться, с лестницами, зигзагами спускающимися в кратер, и стаканом лимонада на дне»³.

¹ Ibid. [Там же.]

² Hernando De Soto, *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else* (New York: Basic Books, 2000). [Como Э. де. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2001.]

³ John L. Stephens, *Incidents of Travel in Central America, Chiapas and Yucatan* (New York: Dover Publications, 1969), Vol. II, p. 13.

12. Готовность к риску. Готовность к риску неразрывно связана с предпринимательством. И то и другое — производные от мировоззрения, в частности от представлений о знании и о способности человека влиять на собственную судьбу. В фаталистических культурах риск скорее всего будет считаться не поддающимся расчету, так как он является следствием действия мистических сил. Невозможность просчитать риск может также поощрять авантюристическое поведение. В культурах, тяготеющих к прогрессу, ощущение контроля над своей судьбой в сочетании с готовностью учитывать реальные факты воспитывает способность оценивать вероятности и рассчитывать степень риска.

13. Конкуренция. Здесь будет уместно привести высказывание Грондони: «Необходимость конкурировать ради достижения богатства и первенства есть характеристика обществ, благоприятных для развития. Конкуренция — это центральный элемент в успехе предпринимателя, политика, интеллектуала, профессионала. В сопроотивляющихся развитию обществах... предполагается, что заменой ей будут солидарность, лояльность и сотрудничество... В сопроотивляющихся развитию обществах отрицательное отношение к конкуренции отражает узаконенную зависть и утопию равенства. Хотя такие общества порицают соперничество и превозносят сотрудничество, последнее в них встречается намного реже, чем в «конкурентных» обществах. Фактически можно доказать, что конкуренция — это форма сотрудничества, при которой оба соперника выигрывают от необходимости выложиться до конца, как в спорте. Конкуренция питает демократию, капитализм и многообразие мнений»¹.

14. Инновации. Понятие инноваций концептуально близко к предпринимательству и готовности к риску. На инновации точно так же оказывает мощное влияние мировоззрение, в особенности степень уверенности людей в том, что они в состоянии контролировать свою судьбу.

Открытость к инновациям — это ключевой фактор во многих историях успеха, речь о которых пойдет ниже. Она, например, сыграла главную роль в успехах ислама в первые века его существования, когда он возродил мудрость, знания и умения античной Греции, и в преобразованиях в Японии во время реставрации Мэйдзи, когда лидеры страны напрямую заимствовали или адаптировали к местным условиям разнообразные достижения Запада в образовании, технике, организации и администрировании, военной науке и во множестве других областей.

Что касается ислама, главным препятствием на пути прогресса в исламских странах вообще и в арабских в особенности Тибби считается нежелание учиться у других.

15. Продвижение в должности. Общество, предоставляющее посты в государственном или частном секторе самым способным и квалифицированным, может рассчитывать на достижение самых лучших результатов и на самый быстрый прогресс. Разумеется, в любом обществе при принятии решений о продвижении действуют субъек-

¹ Grondona, 'A Cultural Typology of Economic Development,' in *Culture Matters*, p. 49.

тивные факторы. Все дело в степени субъективности. В обществах, противящихся прогрессу, где степень доверия и идентификации с другими обычно низка, в решениях такого рода обычно превалируют субъективные факторы, в особенности семейные связи: кумовство в них — обычное дело, а личными достоинствами нередко пренебрегают. В обществах, тяготеющих к прогрессу, главным основанием для продвижения на высшие посты являются личные достоинства. Последние занимают центральное место в конфуцианстве и достаточно видно — в протестантизме и иудаизме.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

16. Верховенство права / коррупция. Степень уважения к верховенству права непосредственно связана со строгостью этического кодекса. Помня о сопоставлении двух религий у Вебера, можно предположить, что протестантские страны будут менее коррумпированы, чем католические, — и это подтверждается Индексом восприятия коррупции Transparency International. Согласно рейтингу за 2010 г., из десяти наименее коррумпированных стран девять — преимущественно протестантские: четыре из пяти скандинавских (Исландия находится на 11-м месте), Новая Зеландия, Нидерланды, Австралия, Швейцария и Канада¹; а одна — конфуцианская: Сингапур. В рейтинге 179 стран католическая Испания занимает 30-е место, Италия — 67-е, а Аргентина — 105-е. США делит 22-е место с Бельгией; Чили занимает 2-е место. Любопытно, что протестантский Барбадос делит 17-е место с Японией.

Инглхарт в своем анализе описываемой здесь типологии на основе данных World Values Survey приходит к заключению: «Показатель коррупции, исчисляемый Transparency International... показывает поразительно сильную... корреляцию с человеческим прогрессом (прогресс тем более выражен, чем ниже уровень коррупции)»². Он отмечает также, что в случае коррупции причинно-следственные связи действуют в обоих направлениях: «Можно утверждать, что правительственная коррупция подобна раковой опухоли, которая душит экономическое развитие, эффективное управление в сфере образования и гуманитарных услуг — буквально все составляющие здорового общества. Но одновременно можно утверждать, что в процветающем и эффективно управляемом обществе соблазн коррупции не столь силен. Хотя я думаю, что в первую очередь действует все-таки первая зависимость, однако готов признать и известную правоту второго утверждения»³.

¹ Сегодня католическое население Нидерландов и Швейцарии, возможно, превосходит по численности протестантское, но система ценностей в обеих странах была по большей части сформирована именно протестантизмом. Как отмечает Рональд Инглхарт в написанной им главе книги *Culture Matters* (p. 91 [Культура имеет значение. С. 121]), имеет значение «историческое влияние соответствующих церквей на общество в целом».

² Inglehart, "Testing the Progress Typology," p. 4.

³ Ibid., p. 2.

Таблица 1.3

<i>Качество государственного управления</i>	<i>Конкурентоспособность</i>	<i>Коррупция*</i>
1. Новая Зеландия	1. США	1. Дания
2. Швейцария	2. Швейцария	1. Новая Зеландия
3. Норвегия	3. Дания	1. Сингапур
4. Великобритания	4. Швеция	4. Швеция
5. Канада	5. Сингапур	4. Финляндия
6. Исландия	6. Финляндия	6. Канада
7. США	7. Германия	7. Нидерланды
8. Финляндия	8. Нидерланды	8. Австралия
9. Швеция	9. Япония	8. Швейцария
10. Австралия	10. Канада	10. Норвегия

* Некоторые страны делят места в рейтинге.

Состав десятки наименее коррумпированных стран поразительно близок к перечню первых десяти стран по Индексу конкурентоспособности и по еще одному существенному индексу. В 1998 г. группа экономистов подготовила для Национального бюро экономических исследований доклад о качестве государственного управления в мире, в центре внимания которого находились эффективность, личная свобода и степень вмешательства государства в дела частного сектора¹. В первую десятку вошла уже знакомая нам группа — в данном случае эти страны были протестантскими, за исключением Японии (табл. 1.3). Следует отметить, что ни по одному из трех рейтингов ни одной преимущественно католической страны не попало первую десятку.

17. Радиус идентификации и доверия. Со строгостью этического кодекса связано и то, в какой степени люди способны доверять и идентифицировать себя с другими людьми, не входящими в круг семьи и друзей. Я уже отмечал роль доверия как «смазки», обеспечивающей эффективность экономики. Это также довольно значимый фактор эффективности демократии. Если царит общее недоверие, как это имеет место во многих исламских и латиноамериканских обществах, люди не склонны отказываться от политической власти, так как преемник может обрушить на предшественника репрессии или полностью лишить доступа к политической власти в будущем.

Если человек идентифицирует себя с другими членами общества, то он с большей вероятностью будет добровольно платить налоги, участвовать в благотворительной и филантропической деятельности, сотрудничать с другими для достижения общих целей политического,

¹ "Putting the Good in Good Government," *Washington Post*, November 1, 1998, p. C5. В число авторов доклада вошли Рафаэль Ла Порта, Флоренцио Лопес де Силанес, Андрей Шлейфер из Гарварда и Роберт Вишни из Чикагского университета.

экономического или социального характера. Мне вспоминается замечание историка Дэвида Хекта Фишера о пуританстве в Новой Англии, сделанное в его прекрасной книге «Семя Альбиона» и касающееся возникновения городских собраний, ставших выражением «низовой» демократии в этом регионе: «Пуритане верили, что связаны друг с другом узлами благочестия. Один из их лидеров говорил им, что они должны “видеть себя связанными в единый узел любви и считать себя обязанными служить друг другу благодаря этим очень тесным и сильным узлам”. <...> И даже спустя долгое время после того, как пуритане превратились в янки, а янки-тринитари превратились в унитариев Новой Англии (которых Уайтхед определил как “верующих не более чем в одного Бога”), длинная тень пуританской веры все еще осеняла нравы и обычаи американского региона»¹.

18. Семья. В обществе, тяготеющем к прогрессу, идея «семьи» — радиуса идентификации и доверия — распространяется и на чужаков, живущих в рамках общества, примерно так, как это описано в только что процитированном отрывке из книги «Семя Альбиона». В обществах, противящихся прогрессу, радиус идентификации и доверия ограничен семьей, которая превращается в крепость, противостоящую всему обществу. Такому взгляду на семью дается очень яркая характеристика в классической работе Эдварда Бэнфилда «Моральный фундамент отсталого общества». В ней анализируется деревня на юге Италии, в которой идентификация и доверие ограничены нуклеарной семьей — феномен, который автор считает главным фактором относительной бедности и институциональной слабости этого региона².

Чрезвычайно важны в этой связи наблюдения бразильского антрополога Роберто Да Матты, который отмечает в работе «Дома и на улице»: «Покупая или продавая что-то родственнику, я не забочусь о деньгах и не стремлюсь к прибыли... Но если я имею дело с чужаком, то здесь нет никаких правил, кроме одного: нужно выжать из него все что можно»³.

Отметим, что Бразилия — мировой чемпион по недоверию. Согласно опросу World Value Survey в 2000 г., она занимала последнее место среди 81 страны — на вопрос: «Можно ли доверять большинству людей?» ответ «да» дали 3% бразильцев. В Дании, которая стала мировым чемпионом доверия, на этот вопрос положительный ответ дали 67% респондентов.

19. Общественные связи (социальный капитал). Благодаря подчеркиванию роли «социального капитала» Робертом Патнэмом

¹ David Hackett Fisher, *Albion's Seed: Four British Folkways in America* (New York and Oxford: Oxford University Press, 1989), p. 24.

² Edward Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society* (New York: Free Press, 1958).

³ Roberto DaMatta, *A Casa e a Rua* (São Paulo: Editore Brasiliense, 1985), p. 40.

в работах «Чтобы демократия сработала»¹ и «Боулинг в одиночку»², а также Фрэнсисом Фукуямой в книге «Доверие», это понятие прочно вошло в лексикон общественных наук и сообщества специалистов по развитию. Джеймс Коулман, придумавший этот термин, определял его как «способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе»³. Социальный капитал тесно связан с «гражданским сообществом» Патнэма и с «гражданским обществом», о котором часто приходится слышать в таких институтах развития, как Всемирный банк, — как будто гражданское общество является некой данностью, которую нужно лишь разыскать и взлелеять.

Но социальный капитал неравномерно распределен между обществами и культурами, так что некоторые общества в большей степени пользуются преимуществами гражданской общности, нежели другие. Люди порой забывают, что ранняя работа Патнэма главным образом посвящена основанному на культурных факторах объяснению разительного контраста между севером и югом Италии в том, что касается развития вообще и гражданской активности в частности. Пытаясь выяснить, почему в Южной Италии люди настолько лишены доверия друг к другу, этого «важнейшего компонента социального капитала»⁴, Патнэм опирается на работу Бэнфилда «Моральный фундамент отсталого общества». Он прослеживает исторические причины этого положения дел вплоть до норманнского правления на юге Италии в XII—XIII вв. Аналогично Фукуяма в книге «Доверие» доказывает, что некоторые общества порождают «спонтанную способность создавать ассоциации» — как в Японии, США и Германии, — а другие лишены этого качества.

Ключевая идея состоит в том, что социальный капитал — это, по сути дела, явление культуры. Чтобы взрастить его в культурной среде, для которой характерен низкий уровень доверия, следует усилить культурные факторы, укрепляющие доверие, такие как строгий этический кодекс, житейские добродетели, радиус идентификации.

На социальный капитал мощное воздействие оказывает культурный капитал — можно даже сказать, что первый «формируется» вторым.

20. Индивид/группа. Это довольно запутанный вопрос: индивидуализм — отличительная особенность прогрессивного Запада, а общинность, коммунитаризм — прогрессивной конфуцианской Азии. Дело дополнительно усложняется крайним индивидуализмом Латинской Америки, который мешал этому региону (а также Испании вплоть до второй половины XX в.) создать прочную демократию и достичь спра-

¹ Robert Putnam, *Making Democracy Work* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994). [Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.]

² Robert Putnam, *Bowling Alone* (New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001). (Эта книга выйдет в издательстве «Мысль» в 2015 г. — *Ред.*)

³ Цит. по: Francis Fukuyama, *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (New York: Free Press, 1995), p. 10 [Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 26.]

⁴ Robert Putnam, *Making Democracy Work*, p. 170. [Патнэм Р. Указ. соч. С. 211.]

ведливо распределенного благосостояния. Как заметил об испанцах Хосе Ортега-и-Гассет: «Истинному испанцу ничего не нужно. Более того, ему и никто не нужен. Вот почему наши люди — такие ненавистники новизны и новшеств. Принять что-либо новое со стороны было бы унизительным для нас. <...> Для настоящего испанца любое новшество — это прямое личное оскорбление»¹.

Кроме того, многие коммунитаристские общества также противятся прогрессу. Примером здесь служит Африка, где (по крайней мере, по мнению Даниэля Этунга-Мангуэля²) упор на групповое начало душит инициативу и чувство личной ответственности, что отнюдь не способствует становлению демократической политической системы.

Более того, как отмечает Фукуяма в книге «Доверие», иногда прочные поведенческие модели создания объединений обнаруживаются в индивидуалистических обществах, таких как США и Германия. Он доказывает, что протестантские/индивидуалистические культуры двух этих стран породили существенно больший социальный капитал, чем конфуцианские/общинные культуры Китая и Тайваня. Однако в качестве третьего примера общества с высоким уровнем социального капитала он приводит конфуцианскую Японию.

Дело еще больше запутывается очевидной тягой к личным достижениям, творчеству и предпринимательству, которые мы встречаем в конфуцианских странах, — во многом именно этим качествам они обязаны своим экономическим успехом.

Различие между индивидуализмом и коммунитаризмом в плане их влияния на прогресс очевидно двойственно и требует тщательного эмпирического исследования отдельных случаев. Совершенно ясно, что и другие культурные факторы, такие как труд / достижения, бережливость, предпринимательство и отношение к личным достоинствам, способны усиливать как достоинства, так и недостатки, присутствующие в индивидуализме, и коллективизму. Ду Вэймин* призывает к синтезу различных аспектов обоих мировоззрений: «Несомненно, такие ценности [Запада], как инструментальная рациональность, права и свободы человека, верховенство закона, неприкосновенность частной жизни и индивидуализм, в наше время приобрели универсальное значение. Но, как показывает пример Восточной Азии, конфуцианские ценности типа сострадания, уравнительной справедливо-

¹ José Ortega y Gasset, *Invertebrate Spain* (New York: Norton, 1937), pp. 152–153.

² Daniel Etounga-Manguelle, “Does Africa Need a Cultural Adjustment Program?,” in *Culture Matters*, p. 71. [В русском издании книги эта глава не вошла. — *Ред.*]

* В русской транскрипции имени этого ученого имеются разночтения. В цитируемой ниже книге «Культура имеет значение» дается написание «Ту Вэймин». В русской китаистике обычно употребляется вариант «Ду Вэймин», который и используется в настоящем переводе. См.: Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 1. Философия. М.: Вост. лит., 2006. С. 249–250. — *Прим. ред.*

сти, чувства долга, приверженности ритуалам, ориентации на группу сегодня также стали общепризнанными»¹.

Можно убедительно показать, что такого рода синтез в значительной мере реализован, например, в скандинавских странах и в Японии.

21. Власть. Представления общества о власти имеют фундаментальное значение при объяснении культурных различий. Они коренятся в религии (этическом кодексе) и глубоко воздействуют на то, как общества организуют свою политическую жизнь. Я уже цитировал наблюдение Токвиля, отметившего отчетливую эгалитаристскую связь между протестантизмом и демократией в Америке. То, что католические общества в целом медленнее приходили к демократии, чем протестантские, возможно, отражает более авторитарную, иерархическую природу католицизма. Административное устройство ислама ближе к протестантской децентрализации, чем к католической централизации, но его доктрина порождает фатализм, абсолютизм и нетерпимость, которые в свою очередь питают авторитаризм. Конфуцианская доктрина ставит на первое место почтение к родителям, и это отношение распространяется на правителя, что существенно соотносится со сравнительно медленным эволюционным зарождением демократической политической системы в конфуцианских обществах.

22. Роль элит. Главное, о чем здесь идет речь, — это степень, в которой элиты берут на себя ответственность за благополучие всех остальных; выражение *noblesse oblige* отражает эту идею — и это очевидным образом соотносится с характерным для общества радиусом идентификации. В этом отношении скандинавские и латиноамериканские страны образуют любопытный контраст, которому было посвящено исследование, проведенное при поддержке Межамериканского банка развития². Даг Бланк и Торлейф Петтерссон в статье, подготовленной в рамках Исследовательского проекта «Культура имеет значение» (Culture Matters Research Project, CMRP), пишут следующее: «В середине XVII в. по всей центральной Швеции возводились чугунолитейные заводы... Чугун производился в небольших поселениях, именовавшихся *bruk*, где развились особые социальные и культурные связи, характеризовавшиеся патерналистским отношением владельцев заводов к рабочим, которое, однако, сопровождалось чувством социальной и экономической ответственности со стороны собственников»³.

Нетрудно себе представить, каким образом из этого патернализма и чувства ответственности, порожденного отчасти лютеранской доктриной, в Швеции могло вырасти современное развитое социальное

¹ Tu Weiming, “Multiple Modernities: A Preliminary Inquiry into the Implications of East Asian Modernity,” in *Culture Matters*, p. 264. [Культура имеет значение. С. 247.]

² Magnus Blomström and Patricio Meller, *Diverging Paths* (Washington, D.C.: Inter-American Development Bank, 1991).

³ Dag Blanck and Thorleif Pettersson, “Strong Governance and Civic Participation: Some Notes on the Cultural Dimension of the Swedish Model,” in Lawrence Harrison and Peter Berger, *Developing Cultures: Case Studies* (New York: Routledge, 2006), p. 486.

государство. Сравните это с порабощением индейцев и чернокожих в Латинской Америке в тот же самый период и с самодовольным и эгоистичным поведением многих латиноамериканских элит в последние века.

23. Отношения между государством и церковью. Ни в одной из развитых демократий религия не играет существенной роли в сфере гражданских отношений. Это верно в первую очередь для Западной Европы, где во многих странах связи между церковью и государством были разорваны давным-давно, а религиозность населения значительно ослабла. Но это верно и для намного более религиозных США. Конечно, религия может оказывать немалое влияние на общество через основанные на ней ценности и взгляды политиков и журналистов, как мы наблюдаем это, например, в случае Джорджа Буша, твердо выступающего против абортот и исследований с использованием стволовых клеток, извлекаемых из абортированных человеческих зародышей. Но вот религиозные институты отделены от политического процесса строгой непроницаемой стеной.

Ранее я упомянул, что выдающийся католический мыслитель-мирянин Майкл Новак высказал свои комментарии к предложенной типологии, и я хотел бы зафиксировать его замечания по поводу взаимоотношений церкви и государства. В столбце, соответствующем культуре, тяготеющей к прогрессу, вместо «Светское государство: церковь полностью отделена от государства» он написал бы «Разделение полномочий между церковью и государством; защита свободы совести индивида». А в столбце, соответствующем культуре, противящейся прогрессу, — «Религиозные лидеры исполняют политические функции, а государство предписывает выполнение религиозных обязанностей».

Роберт Хефнер добавляет: «Именно разделение властей — а не «секуляристская» ликвидация или даже приватизация религии — является ключом к социальному прогрессу. Как показывает опыт США и как может продемонстрировать идущая в Латинской Америке протестантская реформация, определенный тип религиозного этоса может очень сильно поспособствовать социальному прогрессу»¹.

Альфред Степан предложил полезную формулировку «двойной терпимости» в отношениях между церковью и государством в демократическом обществе: «Свобода для демократически избранных правительств и свобода для религиозных организаций в гражданском и политическом обществе... отдельные люди и религиозные общины... должны иметь полную свободу проводить богослужение частным образом. Более того, в качестве отдельных лиц и групп они должны иметь возможность публично продвигать свои ценности в гражданском обществе и поддерживать организации и движения в рамках политического общества до тех пор, пока дальнейшее публичное распространение их верований не начнет негативно сказываться на свободах других граждан или не обернется нарушением закона и норм демократии путем насилия»².

¹ Из электронного письма Р. Хефнера автору, 28 апреля 2004 г.

² Alfred Stepan, *Arguing Comparative Politics* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2001), p. 227.

В этом контексте существенно, что экономические «чудеса» в Ирландии, Италии, Квебеке и Испании сопровождались значительным снижением роли и влияния католической церкви. Не менее уместен здесь пример Турции, во многих отношениях самой модернизированной исламской страны в мире и при этом сохраняющей светский характер даже при нынешнем исламистском правительстве Реджепа Тайипа Эрдогана. Как пишет Йылмаз Эсмер, автор статьи о Турции, подготовленной в рамках CMRP, Эрдоган и люди из его окружения «подчеркивают тот факт, что они не являются “политическими исламистами” и что не находятся в конфликте со светским характером государства и другими основополагающими принципами республики»¹. В свете позднейших событий оптимистическая интерпретация Эсмера стала выглядеть более спорной — например, в связи с охлаждением отношений между правительством Эрдогана и Израилем.

Наконец, события в Иране, начиная с революции 1979 г., служат нам напоминанием о том, что теократия несовместима с демократией.

24. Взаимоотношения полов. Специалисты по развитию уже несколько десятилетий назад осознали важность той многогранной роли, которую играют женщины в процессе развития общества: люди свободных профессий, наемные работники, учителя, политики, деловые люди — но и матери, несущие ответственность за воспитание детей. Последнее есть ключевой инструмент передачи культуры между поколениями, и образованная мать способна сделать эту работу лучше, чем не имеющая образования. В 1905 г. более 90% японских девочек учились в школе; в Чили нетипично большое (для Латинской Америки) число женщин были грамотны уже во второй половине XIX в.

Напротив, в некоторых исламских странах и сегодня уровень грамотности женщин поразительно низок: в 2001 г. в Пакистане умели читать и писать 29% женщин, в Марокко — 37%, в Египте — 45%².

Алисия Хаммонд, ямайская студентка Флетчеровской школы, написала незаурядную курсовую работу³ для моего исследовательского проекта «Культура имеет значение», посвященную гомофобии — автор предпочитает термин «гетеросексизм», — в ее родной стране. Она приводит убедительные аргументы в пользу содействия распространению терпимости к сексуальным предпочтениям.

25. Рождаемость. Дети в крестьянских обществах — это одновременно и рабочая сила, и социальное обеспечение на старости лет; эти два практических соображения в сочетании с библейским предписанием «плодиться и размножаться», не говоря уж об универсальном сексуальном влечении, обычно обеспечивали высокий уровень рождаемости в бедных странах.

¹ Yilmaz Esmer, «Turkey Torn Between Two Civilizations,» in *Developing Cultures: Case Studies*, p. 227.

² World Bank, *World Development Indicators 2003*, Table 2.14.

³ Alicia Hammond, «Heterosexism and Cultural Development in Jamaica,» term paper prepared for the Cultural Capital and Development Seminar, The Fletcher School, Tufts University, Fall 2010.

Но большие бедные семьи — это рецепт консервации бедности и социальных патологий, включая высокий уровень преступности, обычный для Латинской Америки и Африки. Тощего семейного бюджета хватает лишь на то, чтобы как-то прокормить детей, а ведь их нужно еще одевать, поить чистой водой и учить. Измученные родители, зачастую одинокие матери, просто не имеют времени для надлежащего ухода и воспитания.

Сегодня во многих частях мира рост населения сократился благодаря использованию противозачаточных средств. Но рождаемость падает и в самых процветающих странах мира, в особенности в Западной Европе и Японии. Майкл Новак в своих замечаниях к предложенной типологии указывает, что, к 2050 г. население Европы неизбежно сократится, и продолжает: «Низкая рождаемость — тоже проблема». В связи с этим я могу отметить, что, согласно прогнозу Бюро переписей, население США к 2050 г. увеличится до 439 млн человек, т.е. на 50% по сравнению с уровнем 2000 г., составлявшим 281 млн. Такой рост населения обеспечивается по большей части иммиграцией (в США ежегодно прибывают до одного миллиона легальных и около полумиллиона нелегальных иммигрантов) и более высоким уровнем рождаемости у значительной части иммигрантов.

В связи с последним пунктом возникают четыре фундаментальных вопроса, которые я привожу здесь без дальнейших комментариев, так как эта тема явно выходит за рамки данной книги.

1. Является ли непрерывный рост населения желательным? Существует ли верхний предел, обусловленный максимальной допустимой нагрузкой на окружающую среду?
2. Возможно ли поддерживать стабильный уровень благосостояния, не говоря уж о его увеличении, в условиях стабильной или уменьшающейся численности населения?
3. Могут ли поддерживать свое благосостояние на прежнем уровне или повышать его «стареющие» общества, в которых доля населения в возрасте 65 и более лет намного выше, а доля молодых людей намного ниже, чем сегодня?
4. Какова взаимосвязь между могуществом страны и численностью населения?

Суть типологии

В основе данной типологии лежат два фундаментальных вопроса: (1) поощряет ли культура веру в то, что люди могут влиять на свою судьбу и (2) поддерживает ли культура «золотое правило»? Если люди убеждены, что могут повлиять на свою судьбу, то они скорее всего будут сосредоточивать внимание на будущем, видеть мир как игру с положительной суммой, наделять высоким при-

оритетом образование, верить в трудовую этику, делать сбережения, проявлять предприимчивость и т.д. Если для них имеет значение «золотое правило», то они, по всей вероятности, будут жить в соответствии с достаточно строгим этическим кодексом, почитать житейские добродетели, подчиняться законам, идентифицировать себя с обществом в целом, формировать социальный капитал и т.д.

Универсальная культура прогресса и социальный капитал

Культуры, тяготеющие к прогрессу, включают в себя набор ценностей, в основном разделяемых самыми успешными обществами – Западом и Восточной Азией – и, я бы добавил, чрезвычайно успешными этническими и религиозными меньшинствами, такими как джайны и сикхи в Индии, баски, мормоны, а также евреи всюду, куда их забрасывает судьба. Я говорю об «универсальной культуре прогресса», которая противостоит «универсальной крестьянской культуре», описанной Джорджем Фостером и другими. Несомненно, совпадение Востока и Запада более всего заметно в области экономического и социального развития (например, в том, что касается высокого уровня доходов, образования и здравоохранения, а также сравнительно справедливого распределения доходов). Существует явное расхождение в отношении демократии: в Китае, Сингапуре и Вьетнаме упорно удерживается авторитаризм в конфуцианском стиле. Но демократическое развитие Японии, Южной Кореи и Тайваня, а также тот факт, что стабильно высокие темпы экономического роста содействуют демократизации, позволяют предположить, что в Восточной Азии вполне может быть реализован тот синтез ценностей Востока и Запада, к которому призывает Ду Вэймин. Он уже в значительной мере реализован на Западе, прежде всего в странах Скандинавии.

Если правы Токвиль, Вебер и многие другие авторы, полагавшие, что культура имеет значение, то продвижение ценностей универсальной культуры прогресса будет наращивать культурный капитал общества, а также, как неизбежное следствие, его